

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

ЧАСТЬ 2

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВ

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 2

<https://litres.ru/74427138>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти Даниила Ветрова семь признаний приводят следователя Яну Левину не к убийце, а к тайне её собственной семьи.

Результаты ДНК подтверждают невозможное: женщина, живущая под чужим именем, связана с Яной гораздо ближе, чем кто-либо предполагал. Поиски ответов приводят следствие в старую квартиру Миронова, где за обычным шкафом скрывается комната, которой нет ни на одном плане.

Сохранившиеся записи связывают события 1990 и 2010 годов и заставляют Яну усомниться в собственных воспоминаниях. Кто проводил в этой комнате эксперименты над человеческой памятью — и почему кто-то был уверен, что однажды именно Яна найдёт вход?

Вторая часть мистического детектива «До пяти десяти».

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 2

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

Детективный роман

Часть вторая. Комната без двери

Глава 8. Две Яны

Софья Ларина не увидела, как Елена Викторовна произнесла её имя.

Между ними было стекло, освещение с одной стороны и тридцать шесть лет, в течение которых одна женщина училась не ждать, а другая — не помнить. Но тело иногда замечает то, до чего память добирается слишком поздно.

Софья подняла голову.

Не резко. Сначала перестала водить ручкой по нарисованному двору. Затем повернулась к тёмному стеклу и прищурилась, словно за собственным отражением услышала дыхание.

— Там кто-то есть? — спросила она.

Елена Викторовна отняла ладонь от стекла.

— Она меня слышала.

— Нет, — сказала Яна. — Стена изолирована.

— Тогда почему смотрит сюда?

— Потому что люди чувствуют наблюдение. Особенно когда им заранее объяснили, что за ними наблюдают.

Яна говорила профессионально и понимала, что это трудность. Проще обсуждать акустику, чем женщину за стеклом, которую её мать назвала дочерью.

Марков стоял у двери, держа телефон. Он не вмешивался. За одно утро научился распознавать вопросы, после которых любой служебный комментарий звучал как попытка самоубийства.

— Я войду, — сказала Елена.

— Нет.

— Ты привезла меня, чтобы я посмотрела.

— Посмотрела. Этого достаточно.

— Для тебя — возможно.

Яна повернулась к матери.

— Ветров запретил позволять им встречаться.

— Я не одна из них.

— Мы пока не знаем, кто вы.

Слова были жестокими. Елена Викторовна приняла их без движения, только неправильно застёгнутая пола плаща дрогнула на вдохе.

— Тогда самое время выяснить, — сказала она.

Яна открыла дверь в комнату опросов сама.

Софья смотрела на неё, но взгляд сразу переместился через плечо.

Елена Викторовна вошла и остановилась у порога.

Ни одна не узнала другую так, как узнают в кино: без крика, объятий и внезапно вернувшегося детства. Софья видела

пожилую незнакомку. Елена — взрослую женщину, в лице которой возраст оставил от её четырнадцатилетней дочери лишь несколько линий.

— Как вас зовут? — спросила Софья.

Елена открыла рот.

— Елена Викторовна Левина.

Софья медленно положила ручку.

— Я знала Елену.

— Когда?

— Не знаю.

— Она была вашей матерью?

— У моей матери были синие глаза.

У Елены Викторовны глаза были карими.

— А волосы? — спросила Яна.

— Светлые.

— Мои были тёмными, — сказала Елена. — Ты однажды обрезала их, пока я спала. Тебе было семь. Оставила половину косы на подушке и сказала, что теперь я похожа на человека, который никого не ждёт.

Софья улыбнулась прежде, чем успела решить, верит ли рассказу.

— Это странная фраза для семилетней.

— Ты была странным ребёнком.

— Удобно. Мёртвым детям можно приписывать любой характер.

Елена вздрогнула.

— Я не считала тебя мёртвой.

— Вы отдали моё имя другой девочке.

— Мне сказали, так тебя защитят.

— От кого?

— Я не знаю.

— Тогда отдали дёшево.

Яна наблюдала за обеими. У матери дрожали пальцы, но голос оставался ровным. Софья, напротив, говорила жёстко, а левой рукой всё время касалась груди — того места, где на старой фотографии лежала голова младенца.

— Кто такая Маша? — спросила Елена.

Софья посмотрела на Яну.

— Девочка, которая переставала плакать, когда я считала.

— Ты помнишь её имя?

— Я помню звук. Ма-ша. Два коротких слога. Не знаю, принадлежали ли они ребёнку.

— Принадлежали.

Елена Викторовна впервые взглянула на младшую дочь.

— Её звали Марией.

Яна почувствовала, как собственное имя — то, которым её называли всю жизнь, — стало на секунду чужой одеждой. Оно не перестало подходить. Просто обнаружилась бирка другого владельца.

— Не называй меня так, — сказала она.

Обе женщины повернулись к ней одновременно.

Две Яны.

Одно имя оказалось способно отнять место у обеих.

Софья первой отвела взгляд.

— Я не хочу его обратно.

— Почему? — спросила Елена.

— Потому что вы произнесли его, глядя не на меня.

Мать закрыла глаза.

Яна выключила запись. Не потому, что разговор перестал относиться к делу. Наоборот — он слишком быстро становился уликой против каждого, кто находился в комнате.

— Достаточно, — сказала она. — До результатов ДНК никаких новых встреч.

Софья подняла рисунок двора.

— Заберите.

— Зачем?

— Там нет качелей.

Яна посмотрела на лист. Две стойки, перекладина, сиденье. За ними липа и дом с полукруглым окном.

— Вы сами их нарисовали.

— Я нарисовала место, где сломала руку. Но упала не с качелей.

— Откуда?

Софья провела пальцем по нарисованной перекладине.

— С лестницы. Женщина с синими глазами несла меня вниз. Она всё повторяла: «Не называй своё имя». Я думала, это была мать.

— Как её звали?

Софья посмотрела на Елену Викторовну.

— Ирина.

* * *

Результат пришёл в 13:17.

Лаборатория не стала писать вывод человеческим языком. Числа, локусы, вероятности, коэффициент родства. Яна прочитала таблицу дважды, затем передала Маркову.

— Переводи.

— Елена Викторовна — биологическая мать обеих. Софья и ты — полные сёстры. Вероятность ошибки настолько мала, что статистику пришлось бы обидеть лично.

— Возраст?

— Софья старше на четырнадцать лет. Образцы чистые, подмены нет.

— Значит, Ветров сказал правду.

— Одну из них.

Яна отнесла заключение Софье сама.

Женщина прочитала первую страницу, затем последнюю. Таблица между ними её не заинтересовала.

— «Полные сёстры», — произнесла она. — Как будто бывают неполные.

— Это генетический термин.

— Генетика часто говорит о людях так, словно они комплект деталей.

Софья вернула лист.

— Что теперь?

— Для дела — установим, кто и на каком основании создал вторую актовую запись. Поднимем школьные документы, медкарты, адреса, фотографии.

— Я спрашиваю не для дела.

Яна села напротив.

— Тогда не знаю.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Первый честный ответ за сегодня.

Софья посмотрела на камеру.

— Вы собираетесь называть меня Яной?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы попросили не делать этого.

— А если попрошу вернуть имя?

— Вернуть можно документ. Не тридцать шесть лет.

Софья кивнула. Не благодарно — скорее, проверив один из вопросов и получив пригодный результат.

— Вы думаете, я считаю вас виноватой? — спросила она.

— Не знаю.

— Считаете. Поэтому всё время сидите так, будто я веду допрос.

Яна опустила взгляд на собственные ладони. Пальцы действительно лежали на столе открыто, под углом к собеседнику — поза человека, демонстрирующего, что ему нечего скрывать.

— Мне было восемь месяцев, — сказала она.

— Именно. Младенцы редко организуют подделку актовых записей.

— Моим именем пользовались вместо вашего.

— Нет. Вашим пользовались вместо вашего. Моё забрали раньше.

Фраза остановила Яну точнее возражения.

Софья провела ногтем по краю заключения.

— Я помню зелёную кружку. На дне была нарисована рыба. Отец наливал в неё молоко, хотя я ненавидела пенку.

— Кружка стояла у нас до моего двенадцатилетия. Мать говорила, это подарок соседки.

— Рыба была синяя?

— Красная.

— Я помню синюю.

— На одном боку красная, на другом синяя.

Они замолчали.

Это не было возвращением памяти. Всего лишь дешёвая керамическая кружка, которая пережила чужое имя и сохранила две рыбы. Но впервые у сестёр появилось воспоминание, не отнимавшее одну жизнь у другой.

— Если найдёте её, — сказала Софья, — не приносите.

— Почему?

— Я хочу сначала понять, помню кружку или историю о ней.

— Это можно проверить только самой кружкой.

— Иногда проверка тоже меняет ответ.

Яна встала.

— Я оставлю копию заключения.

— Оставьте оригинал.

— Он нужен следствию.

— Тогда хотя бы не называйте его доказательством, что я должна стать кем-то другим.

— Не назову.

У двери Софья остановила её вопросом:

— Как вы будете называть меня, когда рядом не будет ка-меры?

Яна подумала.

— Софьей.

— А себя?

— Яной.

Софья впервые улыбнулась без защиты.

— Тогда пока оставим так. Два имени — меньшее преступление, чем одно на двоих.

Они сидели в кабинете Яны. Картонная коробка матери занимала половину стола. Внутри находились документы, которые не должны были пережить уничтожение: фотографии, письма без обратного адреса, клинические выписки и две детские бирки из роддома.

На первой было написано: Левина Я. О., 09.02.76.

На второй: Левина М. О., 21.01.90.

Почти четырнадцать лет между двумя рожденьями — и

только несколько месяцев между появлением второго ребёнка и исчезновением первого.

— Даты разные, — сказал Марков.

— Значит, хотя бы день рождения мне оставили.

Яна перебирала бумаги в перчатках. Елена Викторовна утверждала, что коробку открывала последний раз шесть лет назад, после визита человека, назвавшегося Ветровым. Отпечатки предстояло снять, бумагу — датировать, чернила — сравнить. Но одна вещь не требовала экспертизы.

Среди семейных снимков лежала фотография незнакомой женщины.

Лет тридцать пять. Светлые волосы собраны на затылке. Синие глаза. Белый халат без эмблемы. Она стояла возле двери клиники и держала за руку мальчика лет одиннадцати. На обороте шариковой ручкой:

Ирина Савельева и Миша. Май 1990.

— Мать её знала? — спросил Марков.

— Говорит, видела один раз в клинике. Ирина представилась психологом Яны.

— А мальчик?

— Не помнит.

— Удобная семья. Все кого-то не помнят.

Яна положила фотографию в отдельный пакет.

Под ней обнаружился конверт, который Елена не показывала раньше. Почтовый штемпель — октябрь 2010 года. Внутри короткое письмо, напечатанное на машинке.

Елена Викторовна.

Если вы хотите вернуть старшей дочери право самой решить, кто она, приходите 18 октября в 4:30 по адресу: улица Белинского, 27, квартира 42. Приведите обеих. Никому не сообщайте. После 5:10 будет поздно.

Подписи не было.

— Она ходила? — спросил Марков.

— Говорит, нет. Письмо первым нашёл отец. Запретил даже отвечать.

— Олег Павлович умер в две тысячи двенадцатом?

— Инсульт. За полтора года до смерти почти не говорил.

— Очень удобные мёртвые вокруг этого дела.

— Удобных мёртвых не бывает. Бывают удобные документы.

Яна снова посмотрела на время в письме.

После 5:10 будет поздно.

В 2010 году Антона Миронова объявили погибшим именно 18 октября. Семейный портрет в квартире Лидии был помечен этой датой. В скрытой комнате последний снимок первой Яны тоже сделали 18 октября — только двадцатью годами раньше.

— Проверь камеры и телефонные соединения матери за тот день, — сказала она.

— Шестнадцать лет прошло.

— Банковские операции. Билеты. Служебные пропуска. Всё, что живёт дольше человеческой памяти.

Марков взял письмо.

— А тебя где искать в октябре две тысячи десятого?

— На втором курсе академии.

— Ты уверена?

Яна хотела ответить сразу.

Не смогла.

Она помнила общежитие, аудитории, зимний экзамен по криминалистике. Помнила преподавателя, который пах табаком и ставил зачёт только тем, кто находил второй выход с учебного места преступления. Но октябрь восстанавливался отдельными кадрами: мокрый двор, конспект с чужим подчерком, звонок матери, на который Яна не ответила.

Самого восемнадцатого числа не было.

— Найди мой табель посещаемости, — сказала она.

— Уже.

— Марков.

— Я понимаю значение слова «проверь».

* * *

Павлу Ракитину фотографию Ирины показали в 14:02.

Он всё ещё находился в медицинском кабинете. Маску больше не надевал. За несколько часов лицо врача будто уменьшилось — кожа стала серее, морщины глубже.

Яна положила снимок перед ним.

— Кто эта женщина?

Ракитин не ответил.

— Софья Ларина называет её матерью.

— Ирина не была её матерью.

— Значит, вы узнали.

— Я работал с ней.

— В клинике?

— Клиники тогда ещё не было. Было отделение восстановительной терапии при институте. Название меняли чаще, чем методы.

— Какое у неё было образование?

— Клинический психолог. Она занималась детьми после травм.

— И мальчик?

Ракитин посмотрел на детское лицо.

— Её сын.

— Михаил Савельев?

— Миша. Фамилию он потом менял.

— Сколько раз?

Врач поднял глаза.

— Не знаю.

Яна пододвинула фотографию ближе.

— Что произошло с Ириной 18 октября 1990 года?

Пальцы Ракитина легли на край стола. Семь раз — едва заметно — коснулись металла.

— Она исчезла.

— Это ответ из документа. Я спрашиваю, что вы видели.

— Дверь была закрыта.

— У комнаты не было двери.

— Тогда мы ещё думали, что это делает её безопасной.

— Что вы слышали?

Ракитин посмотрел на камеру.

— Как Ирина просила не включать седьмую запись.

— А потом?

— Удар.

— Какой?

— Такой звук издаёт человек, когда падает не на пол, а на край металлического стола.

Яна не отвела взгляда.

— Она умерла?

— Когда дверь открыли, Ирины в комнате уже не было.

— А кто был?

Ракитин закрыл глаза.

— Девочка, которая больше не называла себя Яной.

Глава 9. Семь положений

В скрытую комнату Ракитина привезли в 15:11.

На лестнице он дважды попросил остановиться. Первый раз сослался на сердце, второй — на то, что должен вспомнить расположение мебели прежде, чем увидит её. Яна отказала в обоих случаях.

— Воспоминание, которое меняется от вида комнаты, ненадёжно, — сказал врач.

— Поэтому вы увидите её под запись.

— Вы хотите получить чистую реакцию?

— Хочу знать, в каком месте вы соврёте первым.

Платяной шкаф в квартире сорок один оставался открытым. За ним работали криминалисты. Узкий проход был освещён переносными лампами, на полу лежала защитная дорожка. Каждый предмет получил номер, каждое движение — свидетеля.

Ракитин вошёл последним.

Он не посмотрел на стулья. Сначала поднял глаза к динамикам, затем — к тёмному стеклу. Только потом медленно обвёл комнату взглядом.

— Стол заменили, — сказал он.

— Когда вы были здесь последний раз?

— В девяностом.

— Тогда откуда знаете?

Ракитин подошёл к металлическому столу у стены, не переступая разметку.

— У старого были деревянные края. Ирина ударилась о правый угол.

Криминалист возле стеллажей перестал писать.

— Вы только что сказали, что не видели её после удара, — напомнила Яна.

— Я видел кровь.

— Где?

Врач показал на пол у стола.

— Здесь.

Специалист уже проверял доски. Верхний слой меняли, вероятно, в конце девяностых. Под ним сохранились старые

лаги и узкий зазор возле стены. Образцы взяли ещё утром, но результатов не было.

— Кто убрал Ирину? — спросила Яна.

— Не знаю.

— Кто открыл комнату?

— Антон.

— Миронов?

— Ему было девятнадцать. Он отвечал за звук и запись.

— А вы?

— За состояние девочки.

— Очень широкое слово — «состояние».

— Другого у нас не осталось.

Ракитин наконец посмотрел на семь стульев.

Таблички с цифрами потемнели, кожа на сиденьях растрескалась. Они стояли не в линию, как показалось при первом осмотре, а по неглубокой дуге. Каждый был немного повёрнут к следующему. С седьмого человек видел только тёмное стекло.

— Для чего они? — спросила Яна.

— Метод семи положений.

— Кто его придумал?

— Ирина. Только не для этого.

— Для чего?

Ракитин указал на первый стул.

— После травмы человек часто помнит событие кусками.

Факты — отдельно. Телесные ощущения — отдельно. Стыд,

страх, чужие слова. Ирина просила пациента рассказывать один эпизод из разных положений, чтобы обнаружить, где он заменяет увиденное догадкой.

Он показал на стулья по очереди.

— Первый — рассказ от собственного имени. Второй — только то, что можно было увидеть. Третий — только услышанное. Четвёртый — рассказ от лица другого участника. Пятый — версия, в которой пациент виноват. Шестой — версия, в которой он спасает. На седьмом запрещались имена и местоимение «я».

— Зачем?

— Если событие оставалось узнаваемым без имени рассказчика, значит, ядро памяти было устойчивым. Метод помогал отделить пережитое от объяснений, которые человек придумал позже.

— А вы сделали наоборот.

Ракитин посмотрел на тёмное стекло.

— Вольский сделал.

Имя прозвучало впервые.

— Полное имя.

— Лев Аркадьевич Вольский. Руководитель отделения. Психиатр. Мой учитель.

— Что именно он изменил?

— Порядок. Вместо того чтобы искать устойчивое ядро, он расшатывал его. На каждом стуле менял одну деталь и заставлял повторять рассказ, пока новая версия не начина-

ла звучать знакомо. Потом пациент слышал записи собственным голосом.

— Под препаратами?

— Иногда давали седативное. Иногда не давали спать. Но химия не превращает ложь в память. Она только снижает способность сопротивляться следующему вопросу.

Яна вспомнила Софью после пожара: таблетка, бессонная ночь, врач в маске. Кирилл в тёмной подсобке. Анну в комнате охраны. Ракитина в предоперационной.

Ветров не изобрёл новый метод. Он собрал переносную версию старого.

— Можно стереть человеку имя? — спросил Марков.

— Нет.

— Но вы это сделали.

— Мы отняли подтверждения. Это другое.

Ракитин говорил тихо, почти с облегчением врача, который наконец получил возможность поставить себе диагноз.

— Память не живёт отдельно от мира. Если ребёнок говорит: «Я Яна», а документы, родители, школа и врач отвечают: «Нет», память каждый раз проигрывает голосованию. Вольский понял: не нужно заставлять человека забыть всю жизнь. Достаточно сделать так, чтобы он перестал считать себя надёжным свидетелем собственной жизни.

Марков достал из кармана латунный ключ, найденный в третьем конверте, и положил на край стола.

— Допустим, я скажу, что этот ключ вы принесли с собой.

Через семнадцать минут вы поверите?

— Нет.

— А наши шестеро поверили, что убивали человека.

— Не за семнадцать минут, — сказал Ракитин. — Семнадцать минут были последним действием. До него каждый получил недели подготовки: звонки, документы, настоящие места, вещи, связанные с личной потерей. Им не вставили чужую сцену. Их заставили выполнить движение, а потом дали ему другое объяснение.

Он кивнул на ключ.

— Если вы хотите, чтобы я считал его своим, недостаточно повторить это семь раз. Положите его в мой старый шкаф. Найдите фотографию, где я держу похожий. Позвоните голосом человека, которому я доверял, и попросите вспомнить, кому открывал дверь. Через месяц спросите не «ваш ли это ключ», а «почему вы его спрятали». Тогда я начну защищать ответ, которого никогда не давал.

— Очень обнадёживает, — сказал Марков.

— В этом есть хорошая новость.

— Какая?

— Ложная память требует обслуживания. Настоящая деталь, которую невозможно встроить, разрушает конструкцию. Левша с ножом в правой руке. Перчатки, надетые после работы. Шнур без следов кожи. Именно поэтому Ветров оставил инструкции к каждому признанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.